

**University of
Zurich**^{UZH}

**Zurich Open Repository and
Archive**

University of Zurich
University Library
Strickhofstrasse 39
CH-8057 Zurich
www.zora.uzh.ch

Year: 2008

Vremennaja sootnesennost' dvojnych glagolov soveršennogo vida

Weiss, Daniel

Posted at the Zurich Open Repository and Archive, University of Zurich

ZORA URL: <https://doi.org/10.5167/uzh-94090>

Book Section

Published Version

Originally published at:

Weiss, Daniel (2008). Vremennaja sootnesennost' dvojnych glagolov soveršennogo vida. In: Bondarko, Aleksandr; Kustova, Galina; Rozina, R. I. Dina-mičeskie modeli: Slovo. Predloženie. Tekst. Sbornik statej v čest' E.V.Padučevoj. Moskva: Jazyki slavjanskix kul'tur, 155-177.

Временная соотнесенность двойных глаголов совершенного вида

Настоящая статья является продолжением трех предыдущих работ, посвященных изучению семантических и синтаксических свойств двойных глаголов в современном русском языке и подобных конструкций в других языках, см. [Вайс 1993, Вайс 2000, Вайс 2003].¹ Определение ДГ, данное в последних двух работах, сохраняется для целей данной статьи; вспомним лишь, что оно опирается на следующие четыре критерия: морфологическая одноофромленность обоих глагольных компонентов X и Y (полное совпадение всех граммем за исключением вида и времени), общие синтаксические валентности, запрет на повтор служебных морфем и возможность перестановки X-Y → Y-X. Остальные свойства такие, как просодическая и семантическая слитность компонентов, которые в литературе раньше выделялись в качестве основных критериев, по этому подходу характеризуют только прототипический подтип ДГ, см. ниже.

До сих пор конструкция удвоения 'X-Y' трактовалась чаще всего как сокращенный вариант сочинительной конструкции 'X и Y', создающий иконический эффект большего приближения обоих действий вплоть до их полного слияния. Правда, обнаружилось, что по крайней мере две группы ДГ не поддаются преобразованию в союзные сочинительные цепочки, см. [Вайс 1993], но эти «исключения» можно было истолковать как результат фразеологизации. Темпоральные отношения, казалось бы, немного препятствовали такому пониманию ДГ: различались два типа, первый из которых характеризовался строгой одновременностью, т.е. полным совпадением временных отрезков, соотносимых с X и Y, а второй – как целость двух актов, непосредственно следующих один за другим. В большом ракурсе эта противоположность одновременного и разновременного типов ДГ покрывалась с противоположностью сочинительных рядов с НСВ и СВ соответственно,² хотя там одновременность интерпретируется шире, включая и отношения временного пересечения и включения. Как-то ощущался чужеродным, однако, тип ДГ с разновременным прочтением СВ, поскольку он противоречил представлению о слитности компонентов X и Y, лежащей на основе всей двойной конструкции: ведь раздельность при отношении «один факт и вслед за ним другой» вроде *сели подумали* чувствуется сильнее чем при сосуществовании двух фактов вроде *сидели молчали*,

---

¹ В указанных работах ДГ трактовались как частный случай глагольной сериализации, представленной в целом ряде внеевропейских языках. Этот вывод полностью подтвердился на основе критериев для определения сериализации, выделенных в работе Aikhenvald 2006. Здесь, однако, нет места для такой типологической дискуссии.

² При этом мы не учитываем кратное употребление и настоящее историческое, в которых НСВ совместим с представлением о следовании Y за X.

совмещенных в том же временном интервале. Картина еще осложнялась тем, что все ярче проявлялся целый континуум, распространяющийся между полюсами слитной и раздельной семантикой, см. [Вайс 2000, 2003], причем слитная интерпретация по-прежнему признавалась прототипической. Ввиду всего этого поведение цепочек СВ, которые, на первый взгляд, сопротивляются слитной интерпретации, представляет особый интерес. Порядок изложения таков: сначала оговариваются отношения одновременности, далее – следования и, наконец, неопределенно-временные отношения. В последнем разделе обсуждаются разновидности оформления ДГ. Добавим, что в корпусе представлены все частные значения СВ; львиная доля примеров, однако, относится к конкретно-фактическому значению.

Как известно, сочинительные ряды, складывающиеся из двух форм СВ, по умолчанию³ интерпретируются как следование двух событий либо действий, причем их хронология иконически отображается порядком слов. Исходя из основных посылок нашей гипотезы ожидается тогда, что пары СВ типа *X-Y* тяготеют как их сочинительные соответствия типа *X* и *Y* к разновременной интерпретации; специфика конструкции (эффект слияния) могла бы лишь внести незначительную модификацию (непосредственное следование *Y* за *X*), чем объясняется, нп., невозможность трансформации ряда вроде *утром вышел и вечером вернулся* в **Утром вышел-вернулся вечером*. Кроме того, в случае ДГ снимается требование иконической передачи событий, так что перестановка компонентов позволительна, ср. *Тотчас пошла легла = легла пошла*.

Сразу оговоримся, что принцип разновременности при сочинении форм СВ допускает исключения в трех давно уже отмеченных ситуациях:⁴ при перфектном значении СВ, при «пучке» ингрессивов и делимитативов возможно полное совпадение временных отрезков, соотнесенных с описываемыми действиями. Легко предвидеть, что для соответствующих ДГ это будет не менее верно. Влияние перфектного значения на темпоральную интерпретацию ДГ будет отдельно освещаться в разд. 4., см. ниже. Здесь проиллюстрируем поведение делимитативов. Как известно, цепочка *Они посидели и поболтали* допускает наряду с разновременной и строго одновременную интерпретацию, отчего на этот раз и перестановка возможна. Поэтому не может удивить, что и ДГ *посидели-поболтали*, *поболтали-посидели* прочитываются как описание двух совмещенных в том же временном интервале действий, ср. также: *...деревенские приходили постоять-посмотреть* (Солженицын, Матренин двор). Небезынтересно наблюдать за поведением таких цепочек, в которых одновременное прочте-

---

³ Именно по умолчанию, поскольку лексические показатели могут маркировать одно временное отношение, ср.: «Но вдруг *в одно и то же время* он почувствовал себя виноватым и пожалел ее (Толстой, пример процит. за [Полянский 1987: 248]).

⁴ На этот счет см., нп., [Бондарко 1971: 186 сл.] и [Падучева 1996: 363]. По последнему автору, эти исключения обусловлены зафиксированностью времени наблюдения как единого для всех форм СВ.

ние заведомо исключено. Так, *Он поел-попил* не вызывает сомнения, в то время как **После обеда он поработал-полежал (на диване)* или **Он поработал-почитал газету* наталкивают на сопротивление носителей. Отметим, что сочинительные варианты *Он поработал и полежал на диване*, *Он поработал и почитал газету* безупречны. Как можно объяснить столь капризное поведение двойной конструкции? По всей видимости, здесь действует тот фактор, который обсуждался в [Вайс 2003]: компоненты сочетания *поел-попил* связаны фреймовой семантикой (одно действие обычно сопровождает другое) плюс семантикой когипонимии, иначе говоря: они образуют естественное целое, что создает благополучную почву для конструкции удвоения. В остальных случаях же нет такой общей рамки, объединяющей глагольные компоненты – отсюда невозможность их слитного прочтения в ДГ. Добавим, что и многосубъектная ситуация вроде *Присутствующие *поработали-полежали* не улучшает приемлемость данного примера, хотя теперь мыслимо такое положение дел, когда в один и тот же момент совершаются разные действия. С другой стороны, сочинительные варианты *Он поработал и полежал на диване*, *Он поработал и почитал газету* не менее приемлемы чем *Он поел и попил*. Это наблюдение настораживает: может, стоит подумать о том, не следует ли отделить темпоральную интерпретацию ДГ от темпоральных свойств СВ в сочинительной конструкции и приписать лексическим факторам больший вес? Во всяком случае, предпочтение для слитной семантики заставляет усомниться в сочинительной «генеалогии» конструкции удвоения: сочинение, если оно и в четко определенных ситуациях совместимо с ситуативной интерпретацией «один сложный факт», все-таки призвано оформлять конъюнкцию двух отдельных событий, процессов и состояний.

1. Отношения одновременности или одно время?

До сих пор указанное прототипическое значение считалось характерным для пар в НСВ: то ли они описывают два различных аспекта того же процесса или состояния (ср. *И кровь в висках так ломится-стучится*, пример В.Высоцкого), то ли служат для интенсификации (ср. *Телефон звонит-надрывается*) или просто синонимической переформулировки (тип *грустить-печалиться*) ситуации,⁵ заданной глаголом X. Поскольку понятие одновременности логически предполагает наличие двух отдельных действий, представляется предпочтительным приписать указанным случаям одно единственное время.⁶ Возникает вопрос, нельзя ли найти подобные ДГ с прототипической слитной интерпретацией и в СВ? На самом деле такие

⁵ При этом последние два типа пересекаются, т.е. синонимическая переформулировка X посредством Y может одновременно вызвать эффект усиления X.

⁶ Обсуждая подобные сочинительные структуры, [Полянский 1987: 250-253] предлагает термин «псевдоодновременность».

примеры в литературе уже давно отмечены. Так, [Земская 1973: 167] приводит следующие фразы:

- (1) *Напишите две фразы не поленитесь!*
- (2) *А он вышел не поморщился.*
- (3) *Надо посмотреть, а то так не заметишь проедешь.*

Эта серия примеров производит впечатление, что отрицание второго члена *У* способствует возникновению ДГ. В случае императива такое подозрение усиливается подобными ДГ в НСВ, ср. *Ешьте не спешите!* С другой стороны, попадаются и примеры с императивом без отрицания, ср. *Потрудись ответить!* [там же]. Во всех этих случаях налицо побуждение к одному действию, которое лишь модифицируется вторым глаголом. Такую же функцию могут, разумеется, выполнять и другие конструкции, в первую очередь сочетания с инфинитивом (*Не поленитесь написать*), далее с бессоюзной сочинительной связью (*Не поленитесь, напишите!*), а изредка встречается даже сочинительный союз (*не поленитесь и напишите!*).⁷ По частотности, ДГ занимает среди всех этих вариантов последнее место.⁸ В отличие от союзного варианта, бессоюзная и двойная конструкции допускают перестановку членов по образцу *У, Х!* или *У-Х!* Во всех указанных вариантах законно считать второй глагол семантическим актантом глаголов *полениться, потрудиться*. Основной вариант с инфинитивом особенно показателен в том отношении, что инфинитив заполняет синтаксическую валентность глагола *полениться*; тем самым и синтаксис всей конструкции подсказывает интерпретацию «одно действие».

В примере 2 совпадение интервалов охватывает время действия *вышел* и отсутствия действия *не поморщился*. Если снять отрицание, то получается разновременная, причем весьма сомнительная интерпретация, ср.: *??вышел поморщился*.⁹ В примере 3, видимо, представлено примерно-наглядное значение СВ; отказ от отрицания здесь приводит к бессмыслице.

Подавляющее большинство примеров СВ в моем корпусе однако не содержит отрицания, а это отнюдь не мешает передаче прототипического, односитуативного значения ДГ. Приведем сначала употребления в претерите с

---

⁷ Ср.: *Но ты все-таки не поленись и сегодня же посмотри на этого тигра, а то я его скоро отправлю.* [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998–2004)]. Как большинство следующих примеров, данный пример взят из Русского национального корпуса, на что указывает оформление цитаты. Многими из остальных примеров автор обязан С.Курт,

⁸ Так, из 52 контекстов на «не полени(те)сь», найденных в Русском национальном корпусе, ни один не был представлен в двойной конструкции; то же самое верно для «потруди(те)сь» (239 контекстов).

⁹ В первую очередь это, видимо, связано с несовместимыми позициями наблюдателя: при *вышел* этот последний мыслится в том помещении, которое действующее лицо покинул, но тогда он не может уже воспринять последующий факт *поморщился*.

различными первыми актантами – стихия, человек, а также анонимная («безличная») сила:

- (4) Но вот *пробежал-прокатился* по траве порыв ветра – будто вздох неба... ЛГ, № 1-2, 10-16 января 2001 г.
- (5) По грязненькому осеннему двору *рванулся-побежал* человек. ЛГ № 41, 2002
- (6) В этот-то момент и *рвануло-шарахнуло* до полного оглушения. Алешковский

Какова мотивация данного приема? Можно полагать, что глагольное удвоение подчеркивает быстроту, внезапность и неожиданность описываемого события или действия, лексически уже выраженную глаголами типа *рвануться*. При этом заслуживает внимания анафорическая ссылка *В этот-то момент*, указывающий на точное временное совпадение обоих обозначаемых ДГ событий с каким-то ранее упомянутом фактом. Но кроме того, в случае примера (4) заметен также поиск подходящей формулировки: автор будто колеблется, как лучше выразить искомый смысл («не то пробежал, не то прокатился»). Именно такая интерпретация напрашивается в следующем примере:

- (7) Обернулся и *похлопал-погладил* мою руку.
Новикова, Мужской роман, женский роман

Возможно, здесь производится какой-то промежуточный жест, довольно интимный и способный затронуть личную сферу рассказчицы. Известное сомнение внушает пример

- (8) Она вдруг *крякнет-свистнет* АиФ № 14 2002

Контекст здесь не позволяет определить, какой звук имеется в виду (промежуточный или комбинированный?). В следующем случае речь идет скорее об очень незначительном количестве спиртного:

- (9) Что он там успел, что *высосал-выпил*, два-три глотка?
Маканин, Где сходилась небо с холмами

Последние три примера особенно ярко иллюстрируют коммуникативное преимущество конструкции удвоения над сочинительной связью: при их замене союзной перифразой сразу снимается описанный эффект диффузной слитности, а вместо него появляется значение цепочки двух раздельных действий, ср.: *похлопал и погладил, крякнет и свистнет, ?высосал и выпил*.

Как уже показал пр. 8, сочетание двух глаголов в СВ не подвергается каким-либо временным ограничениям: оно встречается как в прошедшем, так и в настоящем-будущем времени, ср. также:

- (10) «Я бандит и могу прийти на ‘стрелу’ и там все *затухнут-завянут* от моего ‘базара’» (высказывание актера, исполняющего роль бандита)
АиФ № 45 2002
- (11) «А вот вам, козлам равнодушным, придется за моим хладным телом *понырять-поплавать*» (внутренний монолог человека, намеренного совершить самоубийства) ЛГ № 41, 2002

Иногда наблюдается совмещение двух ингрессивов в том же интервале, ср.

- (12) Как бы в ответ старушка справа *заголосила-заскандировала*: «Березовский и Гусинский, руки прочь от НТВ!» АиФ № 15, 2001, 5

Такое же сочетание возможно в экспрессивной нарративно-восклицательной конструкции с *как* + наст.вр. СВ, ср.

- (13) Но тут вдруг остановился Степан, топнул разбитым китайским ботинком, да как *запоет-затянет* громче сытых гостей: «Ой, Байкал! Байкал!» ЛГ № 31,

В последнем примере компоненты X и Y имеют явно синонимическое отношение. Тем самым они напоминают известные из фольклора синонимические пары в НСВ вроде *грустить-печалиться, ныть-плакать, киньте-бросьте меня в Волгу-матушку*; к ним примыкают сочетания с неточной синонимией, ср. *пей-пропивай!, турки думали-гадали, квинта вновь поет-завывает, Ходила она за ней (= телушка), растила-холила*. Этот тип также широко представлен в современной прессе и художественной литературе, см. примеры, приведенные в [Вайс 2003, 41]. Нередко прием синонимического удвоения принимает характер усиления, интенсификации, ср. *На НТВ мучается-страдает бедняга Новоженев* (АиФ № 12 2002).¹⁰ Оказывается, что тот же прием работает не хуже в СВ. В моем корпусе представлен целый ряд примеров с более или менее синонимическим отношением глагольных компонентов (включая случаи с частичным пересечением или включением значений в смысле ЛФ $\text{Syn} \supset$, $\text{Syn} \subset$ и $\text{Syn} \cap$) либо (по терминологии, принятой в НОССе) аналога, ср. примеры из прежних работ: *Она съела - проглотила не моргнув, Бабы в телогрейках поревут-поплачут, Да Воротынцев, признаться-сказать, и ждал такой*

¹⁰ Такие примеры примыкают к фразеологизированным моделям ДГ со вторым глаголом-интенсификатором, нп.: «С чего он так *орет-надрывается?*» (о В. Высоцком)

телеграммы, Вдруг пригодятся-потребуются простые факты действительности, Он набросал-нарисовал картинку, как они умирают, И совсем забыться-потеряться среди полей-пространств, Подыскать дешевую домработицу, няню или просто погулять-потешиться. Кажется, сюда же относится и фразема увидим-посмотрим. Временная интерпретация всех приведенных случаев однозначна: имеется ровно одно действие, соотношенное с одним временным интервалом. Такие примеры можно множить:

- (14) Бездарные и жадные позднекоммунистические правители ... *подарят-сдадут* плоды этой победы хозяевам Запада ЛГ № 44, 2002
- (15) ...дребезжащим голосом: мол, теперь, Степушка, *пропивай-прогуливай* все подряд, терять нечего. И вот в самое скорое время Степа *пропил-прогулял* свое последнее пальтишко. ЛГ № 31
- (16) Горел дворец королевы. Королева кричит: «*Спасите-помогите*», эти гномы суетятся. Е.Гришковец, Зима
- (17) Ну а как вообще, *освоился-внедрился*? АиФ № 11, 2003
- (18) Где *погулять-повеселиться* – тоже вопрос. АиФ № 42 2003
- (19) Ладно, надеялся Алеша, *обомнется-оботрется*.
Ратушинская, Наследники минного поля
- (20) Всеслышащий Аллах *обрушит-уронит* на землю все звезды с небес.
ЛГ № 1 2003
- (21) И сразу *замолкли-притихли не текли* огненными алмазами пламенной рекой падучие звезды ЛГ № 1 2003

Внутренняя структура последнего примера сложнее, поскольку здесь наряду с почти синонимической метафорической парой *замолкли притихли* появляется третий компонент; он оказывается, однако, семантически связанным с первым членом (*замолкли*) с помощью отрицания. Вся тройная цепочка носит не только из-за нетипичной пунктуации подчеркнуто индивидуальный характер. Его автор (молодой таджикский писатель), видимо, вообще увлекается двойной конструкцией; ему же принадлежит и следующий, не трафаретный пример:

- (22) Дерево в поле гиссарском одиноко *затерялось заблудуилось* и *плещется-покоится* похожее на человека одинокого.

Сочетания, в состав которых входит двувидовый глагол, не нуждаются в особом комментарии:

- (23) Так что не безвиновен и мальчик оказался (первородный грех, значит, есть: не пустяк эта идея!): *предать-дезертировать* склонен из бытия народа своего. Г.Гачев, из предисловия к: Ч.Айтматов, И больше века длится день..., 2003

- (24) Человек и есть, и *возник-создан*, чтобы усеять Вселенную со-мыслями, как сад ее *засадить-культивировать*. Там же: 20

Зато заслуживает внимания ДГ *возник-создан* с неоднородным залогом: это единственный пример в моем корпусе, который по критерию совпадения граммем не укладывается в определение ДГ, данное в [Вайс 2003: 38]. Создается впечатление, что автор как бы колеблется между двумя философскими: либо человек возник спонтанно, либо он своим существованием обязан какой-то высшей инстанции, какому-то божеству. И этот автор отличается индивидуальным почерком, он – из любителей, трактующих двойную конструкцию как стимул для смелых экспериментов. Другое доказательство тому – различная валентность компонентов ДГ в пр. 23: если во всех примерах, рассмотренных до сих пор, управление обоих глагольных членов совпадало, то на этот раз второй актант (дополнение) *из бытия* совместим лишь со вторым глаголом. Та же ситуация повторяется, кстати, в предложении, непосредственно следующем за пр. 23, ср.:

- (23а) Да, виновата перед ним природа киргизская, недодала родности родительской, не любимый он сын родины, но «выродок», – ну что же, и он тогда с большей легкостью *отречься-отринуть* ее может, с «чистой совестью» – именно!

Как было показано в [Вайс 2000: 366], такое употребление является большой редкостью; тогда не удалось найти ни одного убедительного примера на ДГ с общим, но разнооформленным актантом. Приведенные здесь примеры, однако, подтверждают высказанный там же вывод, что второй глагол является лучшим кандидатом на точку морфологического контакта (критерий Мельчука), что в рассмотренных случаях говорит в пользу признания за ним статуса вершины всей конструкции.

На фоне всех этих индивидуальных отклонений от регулярной двойной конструкции последние два примера этого же автора выглядят весьма трафаретными,¹¹ тем более что и смысловая связь между глагольными компонентами довольно очевидна:

- (25) ... а то так, косвенно и по бокам кося, и прозираешься всю жизнь до смерти, и она и *поймает-застанет тебя* не понявшим главное... там же, 18
- (26) Еще ветер – шаман (как к нему с лодки дядя Мылгун в своем бесновании вызывает): он – друг (против тумана) и враг (отец шторма): союзник воды-глуби, подъемлет дно на небо – *закрыть-потопить мир*. там же, 18

---

¹¹ Отметим, однако, что третий актант в 25 (*не понявшим главное*) сочетается лучше со вторым ГЛ_ГОЛОМ, чем с первым, ср. ?*поймает тебя не понявшим главное*.

Данная конструкция может также включиться в сочинительный ряд, ср.

- (30) Тяжело ему было, несмотря на весеннее тепло и пригревавшее солнце, так тяжело, точно вот *взял бы лег*, да и умер... [Д.Н. Мамин-Сибиряк. С голоду (1891)]

Ввиду адвербиального значения глагола *взять* трактовка таких ДГ как единое действие не требует уже обоснования. Особо следует выделить употребление в императиве, которое наряду с побудительной интерпретацией в принципе допускает и нарративное прочтение, см. следующий пример, где представлен даже непереходный глагол:

- (31) Тут в тишине *возьми и раздайся* чей-то разумный голос. ЛГ № 23 2001
(32) "Вы представляете, опоздал на автобус, бежал-бежал, а он, то есть водитель, *возьми, да и остановись*. [Людмила Пирогова, Игорь Немучинский, Елена Маслова, Виктор Лихачев. Может, попробуем по-тамбовски? // "Встреча (Дубна)", 2003.04.16]

Как видно из 31, нарративное употребление не ограничивается передачей действий, здесь встречаются также неконтролируемые события и даже безличные употребления, ср. :...*как вдруг возьми да приморозь* (пример Карцевского, см. [Fortuin 2000: 153]). В моем корпусе пока не представлено примера бессоюзного удвоения такого нарративного императива, ср. недопустимость варианта **возьми остановись*. На его смену приходит вариант в прошедшем времени вроде *взяли грабнули банк, взяли устроили скандал, однажды пацан вот взял бросил тряпочку*. Двойная конструкция также не приемлема в сочетаниях, переосмысливающих неконтролируемое событие как прихотливое решение субъекта, ср. *взял да умер* или *вот возьму, умру весне назло*.¹⁴

Другой случай возможной десемантизации первого члена ДГ в СВ представлен в сочетаниях с первым компонентом *пойти*. При ближайшем рассмотрении они оказываются весьма неоднородными. Так, если в примерах типа *Пришли сказали, что ты в сквере меня ждешь, Или домой повезли ее схоронили, или там ли, Вчера вечером пошла вымылась* или

- (33) Ну ладно, *пойду сяду* чистить. [Владимир Крупин. Выбранные места из дневников 70-х годов // "Наш современник", 2004:515]

---

¹⁴ К примеру, Русский национальный корпус содержит 7 примеров на *возьми (да) и умри*, но ни одного на *возьми умри*.

можно еще усмотреть сочетания с однозначным глаголом движения, описывающие последовательность двух плотно примыкающих друг к другу,¹⁵ но взаимно исключаящихся действий, то в парах вроде *пойду проверю* или *пошли собрались* глагол *пойти* означает лишь необходимую подготовительную фазу перед совершением другого акта (проверки, собрания), и поэтому возможно его осмыслить как своеобразный показатель начала другого действия. В связи с этим вспомним, что та же идея начала заложена во фраземе *пошло-поехало*, служащей в целости как маркер начала процесса (ср. «*Пошло-поехало* кино»), а кроме того в отдельном значении «начаться», ср. *дело пошло*, *пошла новая жизнь*, *пошли занятия*, а также *Такой народ пошел!* В сочетании с инфинитивом НСВ *пойти* образует экспрессивную ингрессивную конструкцию, ср. *пошло трясти*, *А он как пошел ругаться!* Отметим, что это значение совсем не характерно для данного глагола в других славянских языках (нп. в польском все только что указанные примеры не «работают»), зато во многих неславянских языках глагол ‘идти’ служит регулярным показателем то ли инхоативного, то ли ингрессивного значения, ср. англ. *to go crazy / blind* итп. и материал из тюркских и других языков, приведенный в [Майсак 2005: 175-176] в качестве иллюстрации употребления гл. ИДТИ в значении ‘начать’.

С другой стороны, русское *пойти* в составе ДГ далеко от статуса ингрессива хотя бы потому, что второй глагол Y не может быть в НСВ.¹⁶ Кроме того, препятствуют этому лексические ограничения, накладываемые на цепочки типа *пошел Y-овал*: действие Y должно быть совместимо с идеей предварительного перемещения в пространстве, ср. недопустимость сочетаний с антонимом **поди-останься*, с «деиктическим антонимом» **поди-приди*, ментальными предикатами вроде **пошел понял / поверил / сообразил / усомнился в..*, а также с настоящими ингрессивами типа **пошел уснул / замолчал*. Кроме того, Y не может быть слишком длительным, ср. **пошел написал монографию*. Всего навсего, процесс семантического «побледнения» (bleaching) русского *пойти* куда менее продвинут чем, нп., в нем. *hingehen und ..., ach geh!* итп.

Десемантизации *пойти* проявляется ярче в случаях таких, как *пойдем сходим*, *по(й)ди сходи* или

(34) Ну да ладно, бог с ним, вот, даст бог, доживу до лета и поведу здоровую жизнь — *пойду-выйду* на быструю речку, сяду я да на крут бережок и замечтаю — вот да бы написать бы о людях, которых знал когда-то, только ведь таланту нету. [Виктор Астафьев. Зрячий посох (1978–1982)]

¹⁵ Соответствующие интервалы не пересекаются, поскольку *пойти* не означает ‘начать и продолжать идти’. По терминологии, принятой в [Падучева 1996:148], *пойти* поэтому не причисляется к ингрессивам, а к инцептивам.

¹⁶ Любопытно отметить, что вместо *пойти* в данной функции появляется другой глагол движения (изменения пространственной позиции) *стать*. О грамматикализации этого глагола см. [Wiemer 1998].

По поводу таких ДГ возникает вопрос, не становится ли первый компонент семантически излишним. Вряд ли имеет смысл полагать, что начальная фаза данного перемещения маркируется отдельно с помощью гл. *пойти*, раз второй компонент (*сходить*, *выйти*) и без того имплицитно такое начало? Если же потрактовать *пойти* как заместитель всего действия в целом, как предлагается в [Зализняк, Шмелев 2000: 109] по поводу примеров вроде *пойти в кино*, то оно уже совсем излишнее; остается только приписать всей конструкции значение одного единственного действия, а за формами *пойдем*, *по(й)ди(те)* признать статус дополнительного маркера то ли будущего времени (ср. 34), то ли гортативного либо императивного значений. С типологической точки зрения именно такая усилительная функция для глаголов движения более характерна чем функция прямого показателя императива, ср. наблюдение из [Майсак 2005: 178]: «если ИДТИ / УХОДИТЬ и выступает в роли служебного императивного показателя, то почти всегда факультативно, «для усиления» повеления (вместе с собственно императивной формой)». При таком понимании также легче объяснить распространенность столь естественных тройных цепочек вроде *Иди бегай занимай*, *Пойдем сходим посмотрим*: десемантизации первого глагола, т.е. его превращение в маркер иллокутивной функции, облегчает возникновение тройных структур,¹⁷ которые вне императива скорее выглядят как плоды индивидуального творчества. Добавим еще, что превращение в показатель побуждения к действию вообще не чуждо русскому императиву, см. еще: *валяй*, *давай*, выше обсуждаемое *возьми* и маркер предостережения *смотри*, не говоря уж о *дожидайся*, см. ниже.

В случае императива *по(й)ди* переосмысление может продвинуться еще один шаг дальше, достигая прямо противоположного значения. Это происходит во многочисленных цепочках типа *поди разберись*, *поди поверь*, где явно нет речи о двух отдельных действиях. Такие двойные императивы функционируют как риторические побуждения,¹⁸ а их смысл раскрывается с помощью отрицания: *поди поверь такому алиби* = *не верь*.¹⁹ На основе этого употребления лежит, по-видимому, импликатура, порождаемая несовместимостью буквальных значений первого и второго глагола: пропозициональная (диктальная) часть побуждения *поверь!* не предполагает никакого предварительного движения, что и заставляет слушателя переосмыслить

¹⁷ По этому поводу не безынтересно отметить, что в швейцарских диалектах нем. языка возможно даже утроение форм гл. ‘идти’ (с возрастающей фонетической редукцией), ср. «Gang go ge abwäsche!» (‘Иди мыть посуду!’).

¹⁸ Вслед за [Meibauer 19 86 : 171-174] здесь допускается риторическое употребление не только вопросов, но и утверждений и побуждений.

¹⁹ Иногда, кстати, попадаются и примеры, где риторическое побуждение не адресовано прямо к собеседнику, ср.: «Но у нее же еще Андрейка на руках. *Заработай поди* ему в клюв, да еще и воспитывай!» [Петрушевская]; такие случаи подсказывают более общее толкование данного типа: *поди Р-уй* = *нельзя Р-овать*.

форму *поди*. Заметим попутно, что данный смысл можно передать еще устойчивым риторическим утверждением *Так я (ему) и поверил!* Риторические побуждения по модели *поди* *У-уй!* вообще весьма свободно образуются от ментальных предикатов.

С той же риторической функции может выступать синоним *попробуй(те)*, ср. *Такого попробуй угроби!* [В. Высоцкий] = *такого не угробишь*; поэтому не удивляет факт, что оба императива иногда выступают вместе, ср. *поди попробуй!* Таким образом возникают опять вполне естественные тройные цепочки, выражающие всего одно утверждение ‘невозможно *У-овать*’, ср.

(35a) *Поди попробуй втолкуй* им. [Борис Можаев. Живой (1964–1965)]

(35b) *Поди попробуй пойми* их. [Владимир Железников. Чучело (1981)]

(35c) *Поди попробуй защитись* — кадр испортил, мудака, вспомогатель!
[Андрей Измайлов. Трюкач (2001)]

С другой стороны, указанная импликатура не появляется автоматически, если второй императив обозначает физическое действие, ср.

(36) ...мусорят все по-прежнему активно. *Попробуй поймай* хулигана за руку. «Ну а куда же мне окуроч бросить?» – спросит он разгневанно. И будет прав. АиФ № 27, 2000 г.

В другом контексте данный ДГ (как и его синоним *Поди поймай хулигана*) допускал бы и буквальное прочтение; в 36 риторическая интерпретация обусловлена тем, что перед адресатом побуждения (читатель) не предстает ситуация, позволяющая совершить требуемое действие.

Добавим наконец, что риторическое прочтение также закреплено за полностью лексикализированными репликами-маркерами несогласия с *дожди-дайся*, *дожидайтесь*, которые вообще перестали функционировать как побудительные сигналы, ср. *дожидайся вернется* = *не вернется* [Шведова 1960:].

Для полноты картины укажем также на грамматикализацию формы *пошли*, превратившейся в маркер гортатива (ср. *пошли обедать*), и связанную с этим возможность разнооформленных во временном отношении ДГ в СВ типа *пошли позавтракаем*. И наконец, не излишне будет вспомнить об известной вариативности употребления видов при императиве ДГ: здесь встречаются всякие возможные комбинации, ср. *поди поверь*, *поди верь*, *иди ищи*, *иди проверь*.²⁰ В следующем примере представлено риторическое побуждение того же типа, как в пр. 35–36, но в НСВ:

²⁰ Разновидовое оформление императива допускается, кстати, даже при сочинительной связи, ср. пример, приведенный в [Падучева 1996:70]: «Закройте свой номер и идите отсюда!»

- (37) В аэропорту Бен-Гурион трясут, как нигде в мире; найдут [= боеприпасы, Д.В.] – *иди потом доказывай*, что ты не верблюд. В смысле – не террорист.   АиФ 47, 2000 г.

Иносказательная нагрузка этого примера усиливается за счет устойчивой идиоматической тавтологии «ты не верблюд». Тройные цепочки также допускают различное видовое оформление компонентов, ср:

- (38) Заварили кашу, теперь *идите* сами *попробуйте* *расхлебывайте*! РГ 1980: 220

Ввиду того, что императив НСВ «означает побуждение начать действие» [Падучева 1996: 68], его употребление вместе с императивом СВ, в частности, с *попробуй*, не может удивить. Сказанное не относится, разумеется, к ситуации, где императив НСВ употребляется в актуально-длительном значении (на этот счет см. [Шатуновский 1996: 349 сл.]): он тогда выражает побуждение продолжать (не прекращать) начатое действие, ср. *ешь!*, *пей!*, *сиди!*, *режь!*, что обычно блокирует не только СВ, ср. *поди поешь (подразумевается другой тип ситуации), но и императив *иди(те)*, ср. **иди ешь / пей / режь*. То же самое верно для случаев, где выбор НСВ связан с ситуативной обусловленностью данного действия (см. [Падучева 1996: 71–75], ср. стереотипические примеры с фреймовой семантикой вроде *Проходи в комнату!*, *Раздевайся!*, *Садись!* *Бери печенье!* итп., ср. **Подите пройдите / разденьтесь / сядьте!* Таким же образом ведут себя разрешения, где ожидаемость данного действия заложена в предыдущем речевом акте, ср. *Можно я позвоню отсюда?* – *Звоните!*, *Подите позвоните; НСВ же возможен, если телефон находится в соседней комнате, ср. *Идите звоните!* И наконец, компонент ‘немедленно’, характерный для императива НСВ, остается в силе, ср. *Ложись немедленно спать!*, *Иди ложись немедленно спать!*,²¹ но: ?*Поди лег немедленно спать!*; *Кому говорят? Убирайся отсюда!*, **Иди убирайся / *Поди уберись*. Таким образом условия употребления обоих видов остаются в силе и в составе ДГ, специальной оговорки здесь не требуется.

Подытоживая эти наблюдения, можно констатировать, что десемантизация в случае глагола *взять* очевиднее чем при *пойти*, где она проявляется в чистом виде только в риторических императивах типа *поди раберись*; в остальных случаях *пойти* либо редундантно, либо выделяет предварительную фазу действия. На основе обоих процессов лежит метафора, заставляющая переосмыслить данное высказывание: отсутствие физического объекта при *взять* и невероятность движения при *поди*.

---

²¹ В примере 37 этот компонент относится не к моменту речи, а к предыдущему моменту повествования.

2. Отношения временного следования

Итак, до сих пор удалось выделить значительную группу примеров, где компоненты X и Y однозначно совмещены в том же интервале, поскольку они обозначают единое целое (событие или действие). Кроме того, наш разбор примеров с *пойти* обнаружил некоторые цепочки, которые укладываются в схему «сначала X, потом Y» (*пойдем сядем*), однако большинство примеров тяготеют опять к противоположному полюсу (одно действие). Тогда спрашивается все-таки, куда делся тот тип, который по образцу соответствующих сочинительных рядов СВ должен быть каноническим: где примеры, в которых представлена несомненная последовательность двух отдельных действий? По этому поводу вспомним, что в [Вайс 1993: 81] предлагалась следующая иерархия предпочтительности компонента X в СВ:

глаголы движения > глаголы, обозначающие изменения пространственной позиции (нп. *сесть, лечь*) > другие

Если в случае *пойти* двухфазовый характер данной цепочки часто оказывается сомнительным, то другие глаголы движения в этом отношении не вызывают возражений, ср.

(39) *Приди познакомься!*

(40) *Похожу сяду, на пешеходов посмотрю.*

(41) *Беги-ка разыщи его! Чего ради я побегу?*²²

Второй глагол в 39 и 41 допускает целевую интерпретацию, ср. перифразы *приди познакомиться* и *беги разыскать его*; следует, однако, подчеркнуть, что такая целевая интерпретация не заложена в самой двойной конструкции (в отличие от сочетаний с инфинитивом), а порождается только в подходящем контексте. В случае 40 такая же интерпретация возникает при третьем глаголе (ср. *сяду, чтобы посмотреть...*). Бывают и случаи с общим вторым актантом (на этот счет см. [Вайс 2000]), что подкрепляет единство данного действия:

(42) *Пока у нас бочка в саже будет стоять, вези на навоз вывали!*

---

²² Пример из [Падучева 1996: 70]. Императив НСВ объясняется тем, что императив СВ от начинательного глагола *побежать* не употребителен: его замещает НСВ в силу своего начинательного значения (там же). То же самое верно для *вези* в примере 41, см. ниже.

Что касается глаголов *сесть*, *лечь*, *встать*, то поиск по Русскому национальному корпусу подтверждает набросанный выше иерархический порядок: сочетания с глаголами изменения позиции в качестве первого члена появляются куда реже чем с глаголами движения. Так, среди 393 контекстов на форму *сяду* не удалось найти ни одного бесспорного примера с двойной конструкцией, а из 316 контекстов на *сядем* – лишь следующие два примера:

(43) Не устраивает, *давай сядем обсудим* и решим. [Женщина + мужчина: Брак (2004)]

(44) — Ну что, *сядем поужинаем?* — невинным голосом предложил я, берясь за стул. [Андрей Белянин. Свирепый ландграф (1999)]

Чаще всего, второе действие в таких случаях обычно совершается сидя или лежа, ср. *ужинать*, *обсуждать*, *поболтать*, *спать*; тем самым информативность первого глагола опять ослабевается, хотя нельзя сказать, что он полностью излишен, поскольку здесь нет строгой импликация $Y \Rightarrow X$. Между прочим, бывают и сочетания, где X не выражает условие для совершения Y , ср. *сядем-подумаем*, *села-подумала*; остается выяснить степень фразеологической устойчивости таких сочетаний.

Выше шла речь о том, что гортатив создает особенно благополучное условие для реализации ДГ с семантически не совсем «полноценным» гл. *пойти*. Подобная ситуация наблюдается в 43 и 44, где ДГ также «обслуживает» иллокуцию предложения. Любопытный частный случай той же иллокуции представлен в единственном примере с *лягу* в качестве первого компонента ДГ из Национального корпуса (общее количество контекстов: 281), где адресатом оказывается сам говорящий; эту иллокуцию самопобуждения²³ сигнализирует частица *–ка*:

(45) *Лягу-ка я посплю*, пока еще какие-нибудь гадости о людях не написал. [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966–1970)]

Контекстов с ДГ, первым компонентом которого была бы форма *встану*, до сих пор вообще не обнаружилось. С другой стороны, нередко встречается комбинация ‘глагол движения + *сесть* или *лечь*’; один такой пример был уже выше приведен, см. 33. Подобную ситуацию иллюстрирует следующий пример:

(46) Вообще я сейчас *пойду лягу* и буду умирать. [Сати Спивакова. Не всё (2002)]

---

²³ См. [Левонтина 1991: 136 сл.]. Там, кстати, для иллюстрации приводится тоже ДГ: «*Пойду-ка я погуляю*».

Поскольку сочетания вроде *пойду сяду, пойдём ляжем* обычно мало информативны, характерной чертой таких случаев является наличие третьего глагола (*буду умирать*, 33: *чистить*), обозначающего действие, которое в контексте интерпретируется как цель всего изменения пространственной локализации.²⁴

Среди остальных примеров с ДГ в СВ выделим две группы. В первой смысл 'X, потом Y' получается благодаря семантике самих глаголов: либо входят они во фрейм с линейным порядком действий, ср. *выпить-закусить, помыться-попариться, постирать-погладить, попихались-разошлись, позвонишь-встретишься, поносить-привыкнуть*, либо это антонимы, ср. *уехать-приехать, отвезти-привезти, отдернуть-задернуть* (все примеры из [Вайс 2003: 43-46]). Само собой разумеется, что при неактуальном употреблении и НСВ способен передать ту же семантику темпоральной последовательности, ср. *собирает-разбирает, подъезжают-отъезжают, включаются-выключаются, промерзала-оттаивала* (там же). То же самое верно и для настоящего исторического, которое, кстати, в моем корпусе представлен весьма скудно.

Вторую, немногочисленную группу составляют примеры, внутренняя последовательность которых в предыдущем контексте задана, ср.

- (47) Этот опять *назвал-взвешивал* (в предыдущем отрезке уже шла речь о том, как говорящий называл по имени и величал дьякона)

1.3 Неопределенно-временные отношения (отсутствие временной соотнесенности X и Y)

В качестве третьей категории выше выделялась отсутствие относительной временной локализации обоих действий. Сюда относятся, по всей видимости, следующие примеры:

- (48) Выходишь замуж за очень симпатичного, но любящего *выпить-уколоться* человека? ЛГ № 33 2001
(49) Хотите все это *услышать-увидеть-почувствовать*? ЛГ № 43 2002

В обоих случаях существенна не столько временная соотнесенность названных действий, сколько их общий семантический знаменатель; тем самым они приближаются к группе ДВ, построенных из когипонимов, и

---

²⁴ Иногда этот компонент отделяется просодически или посредством пунктуации и оформляется другой глагольной формой, ср.: «*пойдем куда-нибудь под насесть сядем, Расскажи мне свое горе; может, чем-нибудь надумаемся и поможем*». [Н.С. Лесков. Воительница (1866)]

заменяют то ли не существующий, то ли стилистически слишком маркированный гипероним. В связи с этим в 49 не исключена и альтернативная интерпретация («либо услышать, либо увидеть»); в примере 48 же в силу отсутствия временной локализации, обусловленного управляющим предикатом *любить*, и одновременного отсутствия соответствующего скрипта (фрейма) временная соотнесенность употребления спиртного и наркотиков совсем безразлична. Неопределенная локализация трех действий в 49 находит свое соответствие в следующем примере, где логическое и даже синтаксическое отношения между тремя компонентами уж совсем диффузны (ср. запретить что? арестовать кого?):

- (50) Только надо помнить, что для кого-то вандализм есть способ проведения досуга. Каждый десятый (11,5%) предлагает «запретить-удушить-арестовать».
АиФ № 44, 2002 г.

Но отсутствие относительной локализации X и Y не только свойственно индивидуальному творчеству, оно и довольно распространено среди более трафаратных «суммирующих» сочетаний, ср. следующие примеры из [Вайс 2003]: *загорел-обветрел, наестся-напиться, напоить-накормить, посолить-поперечить, спеть-сплясать, обуть-одеть*. Суммирующую функцию в буквальном смысле имеет пример

- (51) Посидели, *поели-попили* нормально. Теперь нужно заплатить нормально.
Гришковец, Рубашка

Причина неопределенной временной локализации этой пары двояка: во-первых, еда и питье не соединены «естественной» последовательностью, во-вторых, многосубъектность описываемой сцены позволяет допускать, что разные субъекты в один определенный момент совершают разные действия. В данном случае это все равно безразлично: весь акт питания мыслится как одно целое, за которое придется заплатить.

Если в ДГ представлено потенциальное значение с отрицанием типа *Туда не подъехать-не подойти*, вопрос о временной локализации вообще снимается, а получается логическая конъюнкция, ср.: «невозможно X и невозможно Y», иными словами state по вендлеровской классификации предикатов. Подобным образом воспринимается полностью лексикализованный оборот *не разбери-поймешь*. По поводу всех названных примеров возникает вопрос, не уместнее ли причислить их к тому классу, где значения X и Y суммируются, передавая в конечном итоге значение гиперонима, ср. *Туда не подъехать-не подойти* = ‘недоступно’, *спеть-сплясать* = ‘исполнить’ итп. И наконец, особо стоят ДГ, функционирующие как готовые блоки [Вайс 2003: 48], ср.

- (52) Она: «А ты тут решишь что-нибудь сделать, так тут же – “Танечка-Танечка, *подай-принеси*» Гришковец, Город

Поскольку речь идет не о конкретных актах, а об отношении партнера к героине, не существенно, составляют ли эти действия две фазы одного и того же процесса или мыслятся как два отдельных действия. Недаром такие сочетания могут превратиться в полноценные именные группы, ср. *он и не вышел за пределы «подай-принеси», должность «подай-прими-вымой тарелки»* [там же]. Не совсем ясно, следует ли к той же группе отнести фразему *поживем-увидим*. Характер цитаты имеет и употребление конверсивов *купить-продать* в следующем примере:

- (53) Там, у Ярославского вокзала, никто небось Некрасова не вспомнил. Там звучат «персидские мотивы»: *куплю-продам*. ЛГ № 50-51, 2002

4. Разновидовые сочетания

В разд. 2.2 уже оговаривались сочетания императивных форм с разновидным оформлением. Такая же ситуация встречается и в других типах удвоения. Здесь можно выделить два четко очерченных типа: 1. характерные для фольклора однокорневые удвоения с отрицанием и сатуративным способом действия вроде *радуюсь-не нарадуюсь, ловить-не переловить*, а также с делимитативом, нп., *ходим-походим*; 2. сочетания с глаголом СВ с перфектным значением. Первая модель входит как подтип в целый класс однокорневых сочетаний, ср. *жду-поджидаю, лежит-полеживает*. Ей приписывалось уже в [Шведова 1960: 65] «значение полноты, напряженности и длительности действия». Тем самым они входят в более емкий класс ДГ со вторым глаголом-выражением ЛФ Magn [Вайс 2000: 369]. Сюда примыкают и другие случаи, не поддающиеся уже систематизации, ср. *Лежит головы не поднимет*, что можно считать частным случаем «сращения неподвижно»; тот же смысл передается в контекстах с временной локализацией с помощью НСВ, см. *Лежали не шевелились*.

Модель с перфектным значением СВ иллюстрируют примеры такие, как *Бегемот стоит-задумался / глядит-уставился, Что ты сидишь насупился?* Она укладывается в одновременный тип темпоральной соотнесенности X и Y, поскольку временной интервал X совпадает с состоянием, результирующим из действия Y. Следует, однако, оговориться, что она обычно требует и разновременной реализации: X выступает в презенсе, а Y – в претерите. Перенос всей конструкции в прошедшее время часто затруднен или даже недопустим, ср. *Бегемот *стоял-задумался, ?Ты сидел насупился*; говорящий тогда прибегает к замене второго глагола на деепричастие, ср. *Бегемот стоял задумавшись* итп. Отнесение к прошлому,

возможно, облегчается инвертированным порядком с глаголом СВ в начальной позиции, ср.: *Я тут обложилась словарями сидела* [Земская 1973: 167], *Лошадь ... вся согнулась стоит* (Бунин).²⁵ Как бы то ни было, и этот тип относится несомненно к прототипическому значению ДГ, поскольку описывает не два, а одно действие, которое модифицируется за счет компонента в СВ; отсюда и возможность перифразирования этого компонента с помощью деепричастия или наречия вроде *пристально*. В случае единицы *есть-пошел от* ...наблюдается полная фразеологизация, причем она этимологически разложима на 'начать быть':²⁶

(54) Как уже догадался осведомленный читатель, не менее осведомленный автор щеголяет терминологией современного бокса, который от кулачного боя *есть пошел*. [Сергей, Шухмин Владимир Тополь. К вопросу о культуре мордобоя // "Столица", 97.06.17]

(55) Откуда *ест-пошли* "Шаболовские"? ЛГ № 15, 2000 г.

Для полноты картины добавим, что необходимость разновременного оформления снимается, если оба глагола имеют перфектное значение, ср.

(56) Все у нас тут опять *разладилось-перекосилось*. Труд, 31-го июля 2004 г.

5. Заключение

Пора подвести итоги. Наши наблюдения позволяют сделать вывод, что общее правило «Соположенные или сочиненные формы СВ выражают последовательные события» [Падучева 1996: 362] в случае ДГ не применимо. Если появляется указанная интерпретация, то она обусловлена не выбором вида, а лексического наполнения: обычно она свойственна сочетаниям, первый компонент которых – глагол движения или изменения позиции, причем часто доходит до семантически излишних структур. Прочтение «один факт вслед за другим» может также быть продиктовано фреймовой семантикой, связывающей компоненты X и Y (тип *постирать-погладить*) либо антонимическим отношением (тип *отвезти-привезти*). Для таких случаев, однако, характерна не столько временная соотнесенность компонентов, сколько их вхождение в семантическое целое высшего порядка (фрейм, гипероним); в этом заключается смысловой вклад, который вносит конструкция удвоения. На этом основании никак не может удивить факт, что мой корпус изобилует примерами вроде 4-26 со строго одно-

²⁵ Эти примеры склоняют к выводу, что глагол СВ замещает как бы синтаксическую валентность глагола НСВ, который без такого дополнения вне контрастивного контекста оказался бы коммуникативно ненасыщенным, ср. *?ты сидишь, ?лошадь стоит*.

²⁶ Лишний раз здесь проявляется ингрессивное значение гл. *пойти* (см. выше, разд. 22)

временными отношениями компонентов (они даже богаче представлены чем примеры с разновременным прочтением): это очередное проявление тяготения всей конструкции к прототипическому полюсу того континуума, о котором шла речь в начале данной статьи, т.е. к интерпретации «один сложный факт» вместо «два отдельных факта». И наконец, для целого ряда ДГ характерна неопределенная относительная локализация компонентов; такая интерпретация обусловлена лексическим наполнением (тип *посолишь-поперечить*) и / или неактуальным временем всего предложения (тип *Он любит ...*), а иногда – дистрибутивной референцией при многосубъектном действии, ср. *Каждый десятый предлагает...* Однако решающим условием возникновения таких временно неупорядоченных цепочек является опять возможность их мысленного включения в более емкий концепт, составляющий нечто большее чем простую сумму частей, нп., *приправить* (для *посолишь-поперечить*) либо *увлечься страстью к наркотикам* (в случае *выпить-уколоться*).

Указанная двойная характеристика – вхождение X и Y в семантически более абстрактный концепт плюс свободная временная соотнесенность X и Y – отличает ДГ от близкородственных сочинительных конструкций в СВ 'X и Y' или 'X, Y', у которых на первый план выдвигается иконическое отображение хронологической последовательности двух фактов (действий, событий). Замена не построенной по этому принципу двойной конструкции на союзную обычно приводит к изменению смысла, ср. *Он похлопал и погладил мою руку; Помогите и спасите!*, либо оказывается совсем сомнительной, ср. ?? *Как он запоет и затянет!* Иначе обстоит дело с десемантизацией гл. *взять*: как отмечалось выше, сочетания типа *возьми да (и) Y-уй, возьму и Y-у* подлежат меньшим ограничениям чем их двойные соответствия *возьми Y-уй, возьму Y-у, взял Y-овал*. Таким же образом ведут себя рассмотренные во втором разделе просьбы типа *Будь(те) так добр(ы) и Y-и(те), Будь(те) другом и Y-и(те)*, а также *Не полени(те)сь и Y-и(те)*.

Сказанное позволяет дополнить список ситуаций типа «один сложный факт», где ДГ в СВ и их сочинительные соответствия выступают как соперники. Так, наряду с определенными способами действия (1. делимитативы, 2. ингрессивы) и 3. перфектным видовым значением в этот класс входят 4. употребления, связанные с определенным актом речи (просьба, ср. *Будь добр и Y-уй*) и 5. сочетания с первым глаголом *взять* в значении неожиданности Y. Во всех указанных случаях ДГ имеет над сочинением то преимущество, что выражает идею единого целого более явным, иконическим образом чем сочинительный ряд, где «псевдоодновременность» порождает и «псевдосочинительные» структуры.²⁷

С другой стороны, существует и круг употреблений, где работает лишь

²⁷ Первый термин взят из [Полянский 1987: 250 сл.], а второй широко употребителен в скандинавистике для обозначения таких паразитарных сочинительных структур, как шв. *Ta och (= взять да)*, см. [Ekberg 1993: 21]

сочинительная модель СВ, а ДГ совсем не уместен: имеется в виду наличие двух качественно различных денотатов, нп., действие + оценка вроде *Только Игорь поступил несправедливо и не пригласил свою тещу*. ДГ в таком положении не годится, поскольку оба его компонента относятся к плану констатации. Конкурентами «чистого» сочинения²⁸ здесь являются вариант с перестановкой и *тем самым* вроде *Игорь не пригласил... и тем самым поступил..* и деепричастие СВ, ср. *Игорь поступил несправедливо, не пригласив...*; иногда даже цепочка самостоятельных предложений в СВ передает ту же интерпретацию, ср. пример, приводимый в [Падучева 1996: 370]. И наконец, сюда же относятся по всей видимости и лексически обусловленные случаи такие, как сочетания с глаголами типа *изловчиться* или *ухитриться* (*укусить меня в палец*) (см. [Богуславский 1988]), поскольку «псевдосочинение» и здесь объединяет действие и его оценку, заложенную в таких глаголах (ср. *хитрый, ловкий*).

Библиография

- Богуславский 1988 – И.М.Богуславский. О семантическом описании русских деепричастий: неопределенность или многозначность? В: Известия АН СССР, серия литературы и языка 36, 270-282.
- Бондарко 1971 – А.В. Бондарко. Вид и вемя русского глагола. М., 1971.
- Вайсс 1993 – Д.Вайсс. Двойные глаголы в русском языке. В: F.Fici-Giusti e S.Signorini (отв.ред.), Категория сказуемого в славянских языках: модальность и актуализация. Акты международной конференции, Certosa di Pontignano (Siena). М 1993, 67-97.
- Вайс 2000 – Д.Вайс. Русские двойные глаголы. Кто хозяин, а кто слуга? В.Л.Иомдин, Л.П.Крысин (отв.ред.), Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к семидесятилетию академика Ю.Д.Апресяна. М. 2000, 356-378.
- Вайс 2003 – Д.Вайс. Русские двойные глаголы и их соответствия в финноугорских языках. В: Русский язык в научном освещении, вып. 2 (6), 2003, 37-59.
- Зализняк, Шмелев 2000 – А. А. Зализняк, А.Д.Шмелев, Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Земская 1973 – Е.А.Земская. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1974.
- Левонтина 1991 – И.Б.Левонтина. Словарные статьи частицы КА и существительного МЕСЯЦ. В: Семиотика и информатика 32, 1991, 136-145.
- Майсак 2005 – Т.А.Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005
- Падучева 1996 – Е.В.Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Полянский 1987 – С.М.Полянский. Одновременность разновременность и другие типы таксисных отношений. В: А.Б.Бондарко (отв.ред.), Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Ленинград, 1987, 243-256.
- Прокопович 1969 – Е.Н.Прокопович. Стилистика частей речи. М., 1969.

²⁸ Подробнее об этом см. [Weiss 1993]; о подобном употреблении «чистого» сочинения см. [Полянский 1987: 251 сл.]

- Шатуновский 1996 – *И.Б.Шатуновский*. Семантика предложения и нереферентные слова. Значение, коммуникативная перспектива, прагматика. М., 1996.
- Шведова 1960 – *Н.Ю.Шведова*. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
- Aikhenvald 2006 – *A.Y.Aikhenvald*. Serial Verb Constructions in Typological Perspective. In: A.Y.Aikhenvald, & R. M. W. Dixon (eds.): Serial Verb Constructions. A Cross-linguistic Typology. Oxford (Explorations in Linguistic Typology), 1-68.
- Coseriu 1966 – *E. Coseriu*. «Tomo I me voy». Ein Problem vergleichender europäischer Syntax. Vox Romanica 25, 1966, 13-55.
- Ekberg 1993 – *L.Ekberg*. The cognitive basis of the meaning and function of cross-linguistic *take and V*. Belgian Journal of linguistics 8. Perspectives on language and Conceptualization, 21-41
- Fortuin 2000 – *E.L.J.Fortuin*. Polysemy or monosemy: Interpretation of the imperative and the dative-infinitive construction in Russian. Amsterdam, 2000.
- Meibauer 1986 – *J.Meibauer*. Rhetorische Fragen. Tübingen, 1986.
- Weiss 1993 – *D.Weiss*. Aus zwei mach eins. Polyprädikative Strukturen zum Ausdruck eines einzigen Sachverhalts im modernen Russischen. In: Studies in Clause Linkage. Papers from the First Köln-Zürich Workshop (ed. K.Ebert), Zürich 1993, 219-238.
- Wiemer 1998 – *B.Wiemer*. Пути грамматикализации инхоативных связей (на примере русского, польского и литовского языков). M.Giger e.a. (Hrsg.), Lexikologie und Sprachveränderung in der Slavia. Oldenburg 1998, 165-212.